

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Разговор восемнадцатый

Монтескье

До сих пор вы рассматривали лишь формы организации вашего правления и те строгие законы, которые нужны для сохранения этих форм. Это немаловажно, однако само по себе это практически не имеет никакого значения. Вам ведь предстоит разрешить тяжелейшую из проблем, существующих для монарха, намеренного установить абсолютную власть в европейском государстве, основанном на системе представительства.

Макиавелли

И что же это за проблема?

Монтескье

Это проблема финансов.

Макиавелли

Этот вопрос относится к моим рассуждениям, поскольку я вам уже сказал, что в конце концов все сводится к экономической задаче.

Монтескье

Отлично! Однако само существо предмета будет сопротивляться вашим намерениям.

Макиавелли

Должен признаться, что это меня беспокоит, поскольку я — сын того века, который был еще непросвещенным в области государственной и экономической, и я довольно мало разбираюсь в этих вещах.

Монтескье

То, что вызывает у вас беспокойство, меня успокаивает. Вы позволите, надеюсь, задать вам один вопрос.

О средствах к существованию абсолютной власти в современном обществе. Обращаясь к прошлому, я совершенно ясно вижу, что подобная власть может существовать лишь при следующих условиях. Во-первых, абсолютный монарх должен быть и главнокомандующим своей армии. Вы с этим наверняка согласитесь.

Макиавелли

Совершенно верно.

Монтескье

Далее, он должен быть завоевателем, поскольку война должна открывать для него источники, в которых он нуждается, чтобы поддерживать свою роскошь и свои войска. Если бы он попытался достичь этого налогами, он бы задавил своих подданных. Отсюда следует, что абсолютный монарх должен осторожно обходиться с введением налогов не по той причине, что он меньше тратит, а потому, что его существование зависит от другой закономерности. Однако в настоящее время война не приносит более пользы тем, кто ее ведет. Она разоряет как побежденного, так и победителя. Тем самым вы лишаетесь источников финансирования. Остаются лишь налоги. Абсолютный монарх, само собой разумеется, может здесь обойтись без согласия своих подданных. В государствах деспотического правления есть вымысел, возведенный в ранг закона, который позволяет устанавливать произвольно высокие налоги. Монарх в соответствии с законодательством считается владельцем всего имущества своих подданных. Если он что-либо отнимает у них, он лишь возвращает себе то, что ему принадлежит. И никакого сопротивления при этом не возникает.

Наконец, государь, несомненно, должен иметь возможность бесконтрольно распоряжаться денежными средствами, добываемыми посредством налогов. Абсолютизм ступает как раз по таким тайным дорогам. Согласитесь: многое пришлось бы изменить, чтобы вернуться к подобному положению дел. Если люди в современную эпоху столь безразличны к утрате собственной свободы, как вы это представили, то они

поведут себя совершенно иначе, когда речь пойдет об их деньгах. Их материальный интерес связан с экономным режимом правления, который исключает деспотизм, если в области финансовой не допустимо господство произвола, то абсолютный монарх будет вследствие принципа, на котором основывается его правление, вынужден устанавливать для своих подданных лишь умеренные налоги. Дадите ли вы своим подданным хотя бы такую компенсацию?

Макиавелли

На это я не пойду, и мне в самом деле неизвестно ничего другого, что можно было бы оспорить так же легко, как утверждение, вами приведенное. Как сможет существовать весь аппарат монархии, блеск и представительские обязанности большого двора, если народу не придется ничем жертвовать? Ваше утверждение может быть справедливым в Турции, Персии или еще где-нибудь у малых народов, лишенных промышленности, у которых вовсе нет средств на уплату таких налогов. Однако у европейских народов, у которых труд является источником богатства и подлежит столь многообразным формам налогообложения, у которых правительство купается в роскоши, у которых расходы на содержание всех общественных учреждений сконцентрированы в руках государства, у которых все высшие чиновники, все заслуженные люди получают большое денежное вознаграждение, — так вот, как у этих народов, спрашиваю я еще раз, можно требовать, чтобы они ограничивались умеренными податями, как вы это называете, и обладали при этом неограниченной властью?

Монтескье

Все это совершенно правильно. И я не считаю мое утверждение, смысл которого от вас, впрочем, ускользнул, абсолютно верным. Итак, ваше правительство будет стоить очень дорого. В любом случае оно будет стоить дороже правительства, состоящего из депутатов народа.

Макиавелли

Вполне возможно.

Монтескье

Разумеется, и именно здесь возникает трудность. Мне известно, что таким образом парламентские правительства заботятся о своих финансовых нуждах.

Все ваше правление потерпит поражение в вопросе бюджета.

Макиавелли

Это меня выводит из состояния равновесия в столь же малой степени, как и все, о чем вы говорили прежде.

Монтескье

Посмотрим. Перейдем же к делу. Основным законом современных государств является голосование народных депутатов по вопросу налогов. Вы сохраните голосование по этому вопросу?

Макиавелли

Почему бы и нет?

Монтескье

Будьте осторожны! Этот принцип означает полное признание суверенитета народа. Ведь кому народ дает право голоса в решении вопроса установления размера налогов, тому он дает и право не утвердить эти налоги, сократить до минимума средства на расходы монарха и, в конце концов, в чрезвычайном случае вообще отменить налоги.

Макиавелли

Вы действуете без оглядки. Продолжайте же.

Монтескье

Депутаты, которые голосуют за размеры налогов, сами являются налогоплательщиками. Их интересы здесь теснейшим образом связаны с интересами народа, и как раз в том вопросе, за которым народ пристально следит. Ваши представители столь же неохотно будут идти вам

навстречу в вопросах предоставления законных кредитов, сколь легко они делали это в вопросах свободы.

Макиавелли

Здесь слабое место вашей системы доказательств. Прошу вас принять к сведению два возражения, о которых вы не подумали. Во-первых, народные представители получают жалование. Являются они налогоплательщиками или нет, они лично не заинтересованы в результатах голосования по налогам.

Монтескье

Признаю, эта мера имеет практический смысл, и считаю ее довольно разумной.

Макиавелли

Вы видите, сколь недопустимо рассматривать обстоятельства в слишком схематизированном виде. Самое незначительное изменение, умело осуществленное, позволяет увидеть все совсем в ином свете. Пожалуй, вы правы, если моя власть будет опираться на аристократию или на буржуазию, которые при случае могут отказаться поддерживать меня. Однако — и это второе обстоятельство, которое вы упустили из виду, — моя власть опирается на пролетариат, на массу неимущих. Тяготы государства почти не давят на эту массу, и я даже поставлю все дело так, что эта масса совсем их не будет замечать. Рабочим мало дела до законов о государственных финансах, их они не коснутся.

Монтескье

Если я вас правильно понял, то становится очевидным следующее: вы заставите платить тех, кто чем-либо владеет, поскольку это — суверенная воля тех, кто не владеет ничем. Вот тот налог, которого требуют массы и бедняки от богатых.

Макиавелли

А разве это не справедливо?

Монтескье

Это еще и неправда. Ведь в современном обществе с экономической точки зрения не существует ни богатых, ни бедных. Тот, кто вчера был рабочим, станет завтра буржуа в силу закона, по которому любая работа должна быть оплачена. Ведаете ли вы, что творите, нападая на земельную или промышленную буржуазию?

Вы в действительности затрудняете освобождение рабочего с помощью его собственного труда. Вы насильно удерживаете огромное число рабочих в путах пролетариата. Ошибочно полагают, что вмешательство в производство принесет пользу пролетариату. Если налоговое законодательство приводит к обеднению имущих, то создаются лишь нездоровые условия, и если процесс продолжается, то происходит обнищание и тех, кто не принадлежал к имущим.

Макиавелли

Это все красивые теории, но я вполне в состоянии противопоставить им, если вы того пожелаете, другие, не менее впечатляющие.

Монтескье

Не нужно, поскольку вы ведь даже не разрешили еще проблему, которую я перед вами поставил. Обеспечьте прежде необходимые средства, которые позволят вам нести расходы на осуществление абсолютного правления. Это будет нелегко, как вам может показаться, нелегко и в том случае, когда вы будете располагать устойчивым большинством в законодательном собрании, нелегко и тогда, когда вы будете обладать полнотой власти от имени народа, присвоив ее себе. Скажите же мне, как вы сможете согласовать финансовый аппарат современных государств с потребностями абсолютной монархии? Еще раз повторю: суть самого предмета противостоит вам здесь. Развитые народы Европы обставили управление своими финансами такими защитными мерами, которые столь жестки, столь сильно продиктованы недоверием, столь многообразны, что они не дают возможности произвола в расходовании общественных средств.

Макиавелли

Что же это за чудесная система?

Монтескье

Я смогу описать ее всего несколькими словами. Совершенство современной финансовой системы покоится на двух основаниях. Осуществляется постоянный контроль за финансами, и представляется публичный отчет об их состоянии. В этом, главным образом, заключается и гарантия для налогоплательщиков. Правитель не имеет права затрагивать эти принципы. Сделай он это, он тем самым как бы скажет своим подданным: вы располагаете упорядоченной государственной экономикой, я же нуждаюсь в беспорядке, я хочу, чтобы расходование общественных средств происходило в тайне, мне это необходимо, поскольку я много трачу, и я хочу тратить, не нуждаясь в вашем одобрении, хочу скрыть возникающие растраты, хочу иметь доходы, которые я по обстоятельствам смогу или утаить, или обнародовать.

Макиавелли

У вас это хорошо получается.

Монтескье

У свободных и предприимчивых народов любой человек разбирается в финансовых вопросах, так как это относится к жизненной необходимости, поскольку он в этом заинтересован и поскольку он обязан знать все это как гражданин государства. Ваше правительство никого не сможет обмануть в этой сфере.

Макиавелли

Кто сказал, что кого-то собираются обманывать?

Монтескье

Вся деятельность финансового управления, сколь разветвленной и сложной по устройству она бы ни являлась, в конце концов сводится к двум довольно простым операциям: к доводам и расходам. К этим двум видам финансовых операций относятся многие законы и специальные инструкции, цель которых также достаточно проста: они должны способствовать тому, чтобы налогоплательщик уплачивал лишь необходимые и установленные законом налоги. Они должны быть сформулированы таким образом, чтобы правительство могло расходовать

общественные средства только на нужды, получившие одобрение со стороны народа.

Я оставляю в стороне все, что касается установления налоговых ставок и вида и способа их взимания, практических средств контроля за правильностью и полнотой учета всех поступлений, все, что затрагивает порядок и точный отчет при расходовании общественных средств; все это — подробности бухгалтерского учета, о которых мне нет нужды вам рассказывать. Я намерен лишь показать вам, как взаимодействуют отчет перед общественностью и контроль за финансами в организованных наилучшим способом финансовых системах Европы.

Одной из самых важных задач, которые следовало разрешить, было снятие всех тайн и доведение до полной гласности всех статей, из которых складываются доходы и расходы, и которые служат основанием для расходования народного достояния правительством. Это было достигнуто путем создания учреждения, которое на современном языке называют государственным бюджетом. Государственный бюджет — это примерная оценка доходов и расходов, рассчитываемых не на большой срок, а на следующий год. Главное — это годовой бюджет. Он является тем, что свидетельствует об общем финансовом положении, которое улучшается или ухудшается в зависимости от результатов, зафиксированных в бюджете. Статьи, из которых он складывается, определяются различными министрами, в министерствах которых имеются плановые отделы. За основу своей деятельности они берут принятые по хозяйственной деятельности предшествующих лет решения, в которые они вносят изменения, необходимые добавления или исключения расходов. Расчеты направляются министру финансов, который объединяет направленные ему документы и представляет затем законодательному собранию так называемый хозяйственный план. Эта огромная работа, которая публикуется и перепечатывается в тысячах газет, открывает взгляду каждого внешнюю и внутреннюю политику государства, деятельность гражданских властей, юстиции и армии. Она подвергается проверке, ее обсуждают и принимают путем голосования народных представителей. Тем самым этот документ вступает в законодательную силу таким же образом, как и все остальные законы.

Макиавелли

Позвольте мне выразить свое восхищение ясностью изложения и остротой формулировок этих абсолютно современных понятий. Зна-

менитый автор «Духа законов» сумел здесь, в области финансовой, обойтись без несколько шатких теорий и зачастую довольно туманных определений, что, несомненно, принесло его тени бессмертие.

Монтескье

«Дух законов» не относится к произведениям на финансовые и экономические темы.

Макиавелли

Трезвость рассуждений, вами демонстрируемая, заслуживает тем большего признания, что вы говорите об этих предметах как человек знающий. Пожалуйста продолжайте, я с большим интересом слушаю вас.

Разговор девятнадцатый

Монтескье

Вполне можно сказать, что введение бюджетной системы повлекло за собой все прочие гарантии в финансовой области, которые теперь обязательны для любой упорядоченной государственной системы. Так, например, первая заповедь, необходимым образом проистекающая из экономического бюджета, гласит, что затребованный кредит напрямую связан с источниками дохода. Речь идет о балансе, который должен быть наглядно представлен в реальных и подтвержденных цифрах, и, чтобы придать этому важному результату еще более наглядный характер, чтобы каждый член законодательного собрания, голосующий за выдвинутые предложения, не поступил необдуманно, придумали очень разумный способ. Основной бюджет государства поделили на два отличающихся друг от друга бюджета: расходный и доходный,— по каждому из которых проводится раздельное голосование и каждый из которых вступает в силу после принятия особого закона.

Таким образом, каждый член законодательной палаты обязан сконцентрировать свое внимание последовательно сначала на статье актива, а затем на статье пассива, и его решения не predeterminedены заранее

основным балансом доходов и расходов. Каждый член палаты добросовестно сравнивает эти составные части бюджета, и на основе их сравнения, на основе их точного согласования друг с другом в конце концов проводится голосование по всему бюджету в целом.

Макиавелли

Все это хорошо и даже прекрасно. Но могут ли расходы быть ограничены размером, который устанавливается путем голосования в законодательном собрании? Разве это возможно? Может ли палата представителей, не приостанавливая действия исполнительной власти, запретить правителю осуществление непредвиденных расходов на неотложные меры?

Монтескье

Я примечаю, что вы этим механизмом недовольны, но, к сожалению, я не могу заменить его на другой.

Макиавелли

Разве и в странах с конституционной монархией государь не имеет формальной возможности с помощью соответствующих указов открыть дополнительные или чрезвычайные кредиты в то время, когда не проходят заседания законодательного собрания?

Монтескье

Так оно и есть. Он имеет на это право, однако лишь при условии, что эти указы будут приняты в качестве законов обеими палатами. Ему требуется для этого их согласие.

Макиавелли

Если согласие дается после того, как расходы уже произведены, и лишь для того, чтобы ратифицировать уже происшедшие события, то я считаю это вполне удачным.

Монтескье

Нетрудно догадаться! Однако, к сожалению, на этом не остановились. Современное прогрессивное финансовое законодательство препятствует

отклонениям от обычных предварительно рассчитанных статей бюджета, если не применяются специальные законы, допускающие дополнительное и чрезвычайное кредитование. Расходы не могут быть повышены без участия законодательной власти.

Макиавелли

В этом случае вообще нельзя управлять государством.

Монтескье

Дела обстоят именно так. В современных государствах пришли к убеждению, что голосование законодательной палаты по бюджету при слишком больших требованиях дополнительных и чрезвычайных кредитов было бы бессмысленным делом, что расходы следует ограничивать, если доходы урезаются естественным ходом дел; что политические события не должны оказывать постоянного влияния на финансовые условия и что перерывы между заседаниями не должны быть слишком продолжительны, чтобы не возникало постоянной возможности использовать их для одобрения специального бюджета задним числом. При этом был сделан еще один шаг: было высказано пожелание, чтобы неизрасходованные денежные средства, первоначально предназначенные для той или иной цели, вновь возвращались бы в государственную казну. Полагали, что правительство, даже оставаясь в рамках одобренных палатой средств, не имеет права расходовать деньги одного учреждения на нужды другого, в одном месте покрывать дефицит, а в другом — создавать его путем перевода государственных средств из одного министерства в другое на основании указов, поскольку это означало бы обход статей закона и возврат к самодержавному правлению с помощью ловкого маневра. С этой целью придумали так называемое «разделение кредитов по статьям». Это означает следующее: голосуют за определенные статьи расходов, предусмотренные лишь для учреждений одинакового типа, имеющих во всех министерствах одинаковые качества. Так, например, в статье А для всех министерств предусмотрен уровень расхода А, в статье Б — размер расхода Б, и т. д. Это правило ведет к тому, что неизрасходованные кредиты изымаются из бюджетов отдельных министерств и вносятся как доход в бюджет на следующий год. Не стоит и говорить, что все эти мероприятия подпадают под ответственность министров. Эти финансовые гарантии увенчиваются созданием финансово-ревизионной палаты, представляющей своего рода вер-

ховный суд, задача которого — осуществление юридических мероприятий и постоянный контроль за финансовыми расчетами, управлением и использованием государственных средств, а также выявление тех отделов управления, которые наиболее удачно организованы с точки зрения соотношения доходов и расходов. Моих объяснений, пожалуй, достаточно. Вы не находите, что организация такого рода значительно препятствует осуществлению абсолютистского режима правления?

Макиавелли

Должен признаться, я еще не совсем пришел в себя после вашего экскурса в сферу финансов. Вы обнаружили мое слабое место. Я уже говорил вам, что мало разбираюсь в этих вещах, однако — и вы можете мне поверить — у меня будут министры, которые сумеют ввести необходимые ограничения и выявить опасность мероприятий такого рода.

Монтескье

А вы сами смогли бы здесь что-либо сделать?

Макиавелли

Несомненно. Мои министры позаботятся лишь о впечатляющих обоснованиях, это будет их главным занятием. Что касается меня, я стану говорить о финансах более как политик, чем как экономист. Вы слишком охотно не замечаете того, что финансы среди всех остальных сфер политики являются тем, к чему легче всего применить принципы, разработанные мной в книге о государе. Государства, имеющие столь методично разработанные экономические планы и обладающие столь упорядоченным способом ведения хозяйства, производят на меня впечатление торговцев, у которых существуют безукоризненно ведущиеся бухгалтерские книги, и которые при этом неизбежно разоряются. Разве страны с парламентским правлением не имеют самого большого бюджета? Разве существует что-либо столь же расточительное, как демократическая республика Соединенных Штатов, как республиканская монархия Англии? Огромные денежные источники этой власти все-таки передаются в руки самих умелых и умных политиков.

Монтескье

Вы отклоняетесь от темы. О чем вы ведете речь?

Макиавелли

О том, что правила, по которым должно осуществляться управление государственными финансами, совершенно не связаны с относящимися к частному предпринимательству принципами, которые, кажется, послужили образцом для ваших идей.

Монтескье

Вот как! Это такое же разграничение, как и разделение морали на действующую в политической жизни и в жизни частного лица.

Макиавелли

Несомненно. Разве это не является общепризнанным и не испытано на практике? Разве не обстояло все так и в ваше время, которое в этом отношении не отличалось прогрессивностью? И разве не вы сами сказали, что государства допускают в финансовой сфере такие излишества, которые заставили бы покраснеть самого непутевого отпрыска из семьи буржуа?

Монтескье

Это верно. Я так говорил. Однако если вы намерены сделать из этого выводы, подтверждающие ваше заявление, то для меня это полная неожиданность.

Макиавелли

Вы, очевидно, хотите сказать, что судить следует не по тому, что происходит, а по тому, что должно было произойти.

Монтескье

Совершенно верно.

Макиавелли

На это я отвечу так: следует желать возможного. А то, что происходит, изменено быть не может.

Монтескье

Скажу вам, что это — точка зрения чистого практика.

Макиавелли

А я в свою очередь убежден, что при подведении баланса, как вы это называете, расходы моего правительства, при всем его абсолютизме, будут не столь велики, как расходы вашего правительства. Впрочем, не будем об этом спорить. Это здесь не так интересно. Однако вы, в самом деле, сильно ошибаетесь, когда считаете, что меня беспокоят эти столь совершенные сами по себе финансовые системы, только что вами представленные. Я столь же приветствую всякую упорядоченность в поступлении налогов, поступлении всех доходов, как и вы, я радуюсь точности финансовых расчетов, я вполне искренне этому радуюсь. Неужели вы полагаете, что поведение абсолютного монарха исчерпывается только тем, что он запускает руку в государственную казну, тратит народный грош на собственные нужды? Все эти многочисленные меры безопасности выглядят детской забавой. Есть вообще для них причина? Скажу лишь одно: лучше, когда происходит накопление денег, когда они приводятся в движение и циркулируют с той удивительной точностью, которую вы мне описали. Я рассчитываю как раз на то, что весь этот великолепный бухгалтерский учет, вся эта прекрасная организация финансового дела послужат усилению блеска моей монархии.

Монтескье

Вы истинный их комедиант. Что поражает меня в ваших взглядах на финансы, так это формальное противоречие с высказываниями, сделанным вами в книге «Государь», где вы с полной серьезностью рекомендуете не только бережливость, но и даже скопидомство.

Макиавелли

Вы не имеете права удивляться этому, поскольку в этом отношении времена изменились, а одним из моих главнейших принципов является приспособление к эпохе. Однако вернемся к делу и обратим особое

внимание на то, что вы сообщили о финансово-ревизионной палате. Это учреждение относится к судопроизводству?

Монтескье

Нет.

Макиавелли

Оно является, таким образом, лишь управленческой корпорацией. Предположу, что оно функционирует безукоризненно. Но какая вам выгода с того, что оно признает правильными все ваши счета? Разве оно сможет воспрепятствовать голосованию по кредитам, осуществлению расходов? Результаты его проверок не дадут иной картины состояния финансов, чем бюджет. Это — власть регистрирующая, которой нечего сказать, это — безобидное учреждение. Не будем более говорить об этом. Я без особого беспокойства сохраню его таким, каково оно есть.

Монтескье

Вы говорите, что сохраните его! Вы намереваетесь упразднить другие составные части финансовой организации?

Макиавелли

Я полагаю, у вас было на этот счет ясное представление. После государственного переворота неизбежен переворот в сфере финансов. Что помешает мне прибегнуть ко всей полноте своей власти, как в других сферах? Где та волшебная сила, которая сможет защитить ваше финансовое устройство? Я словно великан из сказки, которого во время сна сковали цепями карлики. Когда он проснулся, он разорвал цепи, даже не заметив их. В день после моего прихода к власти не будет даже речи о голосовании по бюджету. Я определяю бюджет сам с помощью чрезвычайного указа; я диктаторскими средствами открою новые кредиты, и я заставлю мой государственный совет одобрить их.

Монтескье

Вы и впрямь будете поступать таким образом?

Макиавелли

Нет. В начале следующего года я верну все в законное состояние, поскольку я не намерен что-либо напрямую разрушать, о чем я уже несколько раз вам говорил. Издавали законы до меня, и я тоже издам законы. Вы поведали мне о том, что голосование по бюджету осуществляется как голосование по двум его частям. Мне этот способ представляется плохим. О положении финансов можно составить лучшее представление, голосуя одновременно и за расходную, и за доходную часть бюджета. Мое правительство — это правительство труда. Время, имеющееся в распоряжении для публичных обсуждений, нельзя транжирить на бесплодные дискуссии. В будущем расходная часть бюджета и доходная его часть будут сведены в один проект закона.

Монтескье

Хорошо. А что станет с законом, который запрещает отпускать дополнительные кредиты без предварительного одобрения палаты?

Макиавелли

Его я отменю. Вы, надеюсь, поймете причины, имеющиеся у меня для этого.

Монтескье

Разумеется.

Макиавелли

Этот закон не приемлем ни для одного правительства.

Монтескье

А вопрос о разделении кредитов, о голосовании по статьям?

Макиавелли

И это невозможно сохранить. Будет проводиться обсуждение расходной части бюджета не по статьям, а по министерствам.

Монтескье

Мне это представляется довольно затруднительным, поскольку при голосовании по министерствам можно будет проверить лишь общий размер. Это означало бы, что при процеживании государственных расходов прибегнут к бездонной бочке, а не к обычному ситу.

Макиавелли

Это не совсем верно. Ведь любой кредит, выдаваемый в целом, имеет различные составные части, различные статьи, как вы говорите. Их можно будет проверить всегда, когда захочешь. Однако голосование будет проводиться по министерствам, что даст возможность компенсации одной статьи за счет другой.

Монтескье

И одновременно возможность перемещения средств из одного министерства в другое.

Макиавелли

Нет, так далеко я не стану заходить. Я хотел бы остаться в границах необходимого.

Монтескье

Вы довольно умеренны. И вы полагаете, что эти новшества в сфере финансов не вызовут беспорядков в стране?

Макиавелли

Почему от них будет больше беспорядков, чем от моих политических мер?

Монтескье

Потому что они затрагивают материальные интересы каждого конкретного человека.

Макиавелли

Ах, эти различия слишком тонки.

Монтескье

Тонки! Отлично. Не пускайтесь же в тонкости и скажите просто, что народ, не сумевший защитить свою свободу, не сумеет защитить и свои деньги.

Макиавелли

Разве есть на что жаловаться. Ведь я сохранил основные принципы государственного права в сфере финансов. Разве не будет существовать упорядоченного установления налогов, их взимания, разве по ним не будет проводиться голосование? Разве в этой сфере, как и во всех остальных, целое не покоится на принципе всенародного голосования? Нет, мое правительство не будет обречено на скудное существование. Народ, с ликованием меня встречавший, не только покорно примет пышность правления, он сам возжелает ее, он ожидает ее от своего государя, который является представителем власти народной. Человек из народа с ненавистью относится лишь к богатству себе подобных.

Монтескье

Не пытайтесь снова уклониться в сторону. Вы еще не закончили. Я снова возвращаю вас к вопросу о бюджете. Что бы вы ни говорили об этом, его воздействие ограничивает распространение вашей власти. Бюджет устанавливает границы, которые можно перешагнуть, однако только за свой собственный счет и на свой страх и риск. Бюджет публикуют в газетах, известны статьи, из которых он состоит, он неизменно присутствует здесь и служит, таким образом, своего рода барометром финансового положения.

Макиавелли

Что ж, если вы того желаете, подведем к концу рассуждения на данную тему.

Разговор двадцатый

Макиавелли

Вы говорите, что бюджет ставит определенные рамки. Верно, но это рамки эластичные, которые можно растянуть настолько, насколько пожелаешь. Я всегда сумею остаться внутри этих рамок и никогда их не перешагну.

Монтескье

Что вы этим хотите сказать?

Макиавелли

Есть ли необходимость разъяснить вам сначала, как все это происходит даже в тех государствах, в которых организация финансового дела достигла наивысшего совершенства? Совершенство заключается как раз в том, что с помощью умелых приемов удастся обойти систему, которая в действительности представляет собой лишь чисто фиктивное ограничение.

Ведь что такое этот ваш бюджет, по которому проводится ежегодное голосование? Он представляет собой ни что иное, как предварительное регулирование, приблизительный расчет затрат на существенные процессы, ожидаемые в области финансов. Финансовое положение отчетливо определено только тогда, когда осуществлены затраты, бывшие необходимыми в течение года. В ваших хозяйственных планах обнаружишь Бог знает сколько видов кредитования, соответствующих всем предполагаемым возможностям: кредиты дополнительные, дополняющие, чрезвычайные, временные, исключительные. И все они, в свою очередь, образуют множество различных бюджетов. Ведь дело происходит следующим образом: главный бюджет, который был одобрен в начале года, учитывал, например, общий кредит на сумму восемьсот миллионов. Через полгода фактическое состояние дел более не соответствует первоначальным прикидкам. Тогда на обсуждение палаты выносят так называемый откорректированный бюджет. В нем к первоначальной сумме добавляется сто или сто пятьдесят миллионов. Затем возникает дополнительный бюджет с добавкой в пятьдесят или шестьдесят миллионов. Наконец, сюда добавляется погашение долгов, требующее пятнадцати, двадцати или тридцати миллионов. Короче говоря, в общем балансе расходов превышение расчетной суммы составляет в целом

одну треть от ее первоначальной величины. За эту сумму палаты голосуют, лишь утверждая ее и вводя тем самым в законную силу. Таким образом в течение десяти лет можно удвоить и утроить бюджет.

Монтескье

Я ни мгновения не сомневаюсь в том, что ваши финансовые реформы приведут к такому повышению расходов. Однако в государствах, в которых не участвуют в обмане вроде вашего, ничего подобного не произойдет. Впрочем, это еще не все. Расходы в конце концов должны быть согласованы с доходами. Как вы намерены это осуществить?

Макиавелли

Здесь, если так позволено будет сказать, все зависит от умения располагать отчетные цифры, от определенной дифференциации, к которой прибегают при осуществлении расходов и с помощью которой добиваются определенной свободы действий. Так, например, различия между обычным и чрезвычайным бюджетом могут сослужить хорошую службу. С помощью слова «чрезвычайный» можно проводить вполне удобным образом определенные спорные расходы и более или менее сомнительные доходы. Например, у меня здесь расходов на двадцать миллионов; я должен покрыть их доходом в двадцать миллионов. Тогда я в качестве чрезвычайного дохода записываю выплату по репарациям в размере двадцати миллионов, которые мною, правда, не получены, но которые я получу позже; или еще лучше: я записываю в доходную часть повышение суммы налогов на двадцать миллионов, которое будет осуществлено только в следующем году. Это относится к доходам. Мне не требуется других примеров. Что касается расходов, то можно прибегнуть к противоположному способу: вместо того чтобы включать определенные суммы в бюджет, нужно их исключать. Таким образом, из бюджета расходов можно выделить, например, расходы на увеличение налогов.

Монтескье

Простите, но под каким предлогом вы это сделаете?

Макиавелли

С моей точки зрения, можно с полным правом объяснить это тем, что эти расходы не относятся к государственным. На том же основа-

нии в расходной части бюджета можно не отражать расходы на управление провинциями и коммунальное управление.

Монтескье

Я со всем этим не согласен. И как вы поступите с доходами, которых нет, и с расходами, которые вы опустили?

Макиавелли

То, о чем здесь идет речь, является ведь дифференциацией обычного и чрезвычайного бюджетов. Расходы, по поводу которых вы проявляете беспокойство, следует отнести к чрезвычайному бюджету.

Монтескье

Но, в конце концов, оба эти бюджета образуют одно целое, и возникает конечная сумма расходов.

Макиавелли

Их как раз нельзя объединять в одно целое. Напротив, обычный бюджет предстает как самостоятельный. Чрезвычайный бюджет является дополнением, которое обеспечивается за счет других средств.

Монтескье

Что же это за средства?

Макиавелли

Я не хочу опережать события. Вы увидели сначала, что существует особый способ представления бюджета и, при необходимости, маскировки его роста. Не существует правительства, которое не было бы вынуждено поступать таким образом. Денежные источники промышленных областей неисчерпаемы, однако, как вы верно заметили, жители этих областей скупы и недоверчивы. Они поднимают шум по поводу самых неотложных расходов. Финансовый политик, равно как и политик в любой другой области, может играть с открытыми картами. В этом случае каждый его шаг тормозился бы. Однако в конце концов благодаря совершенству этой системы все улаживается, все упорядочи-

вается, и если в бюджете существуют определенные тайны, то в нем имеют место и открытые стороны.

Монтескье

Однако все это лишь для посвященных. Я вижу, что финансовое законодательство вы превращаете в формальность, столь же непроницаемую для постороннего, как судопроизводство у римлян во времена «Законов XII таблиц». Но позвольте продолжить. Поскольку ваши расходы увеличиваются, то в той же пропорции должны возрасти и источники доходов. Найдете ли вы, как Цезарь, сокровище ценой в два миллиарда франков в государственной казне, или вы откроете серебряные рудники Потоси?

Макиавелли

Вам приходят в голову удачные мысли. Я поступлю так, как поступают все правительства: я сделаю займы.

Монтескье

Именно к этому я хотел вас подвести. Конечно, существует мало правительств, которым не приходилось бы прибегать к займам, однако они ощущали себя обязанными расходовать эти средства экономно. Они не могли без всякой опаски, позабыв про совесть, переложить груз на грядущие поколения, передав им в наследство обязательства, которые невыполнимы и не связаны с ожидаемыми доходами. Как осуществляются займы? Правительство выпускает ценные бумаги, принимая на себя обязательство платить проценты, которые соответствуют капиталу, имеющемуся в его распоряжении. Если был проведен пятипроцентный заем, то правительство и государство за двадцать лет выплатит по процентам сумму, равную составляющему заем капиталу, через сорок лет — сумму, вдвое большую, через шестьдесят — втрое превышающую первоначальную, и, кроме того, государство должно еще будет выплатить весь составляющий заем капитал. Если государство постоянно увеличивает свои долги, не предпринимая попыток их уменьшить, то оно в конце концов более не сможет прибегать к займам или объявит себя банкротом. Это легко увидеть, и нет такой страны, в которой этого не смогли бы понять. Поэтому в современных государствах заботятся о том, чтобы росту налогов противопоставить представляющееся необходимое

ограничение. С этой целью изобрели метод так называемой амортизации — способ, практичность и простота осуществления которого действительно заслуживает удивления. Был создан особый фонд, проценты с которого предназначены для оплаты государственных долгов. И, каждый раз, осуществляя заем, правительство должно перечислить в амортизационный фонд определенный капитал, предназначенный для того, чтобы погасить новый долг в обозримом времени. Вы видите, что этот способ ограничения роста долгов является косвенным, и именно в этом заключается его эффективность.

С помощью амортизационного фонда народ как бы говорит своему правительству: ты можешь, если тебе необходимо, делать долги, но ты постоянно должно думать о том, чтобы справляться с новыми обязательствами, взятыми тобой на себя от моего имени. Если постоянно существует обязательство перечисления в амортизационный фонд и выплаты долгов с его помощью, то поневоле придется задуматься, прежде чем взять новый заем. Если же вы соблюдаете правила амортизации, вы можете получить необходимые займы.

Макиавелли

Скажите же мне наконец, для чего мне соблюдать правила амортизации? В каких это государствах амортизация проводится регулярно? Даже в Англии перестали это делать. Вы требуете слишком многого. Если никто не делает чего-либо, то это вовсе и не нужно делать.

Монтескье

Следовательно, вы не допустите амортизации?

Макиавелли

Я этого не сказал, я об этом не думал. Я не стану препятствовать работе этого механизма, и мое правительство будет расходовать средства, при этом складывающиеся. Этот способ принесет большую выгоду. В бюджете время от времени поступления от амортизации за следующий год будут представляться как доход.

Монтескье

А через год после того эти суммы будут представлены как расходы.

Макиавелли

Не могу знать. Все будет зависеть от обстоятельств, поскольку я постоянно буду сожалеть, что эта система не может функционировать лучше. Мои министры будут отзываться о ней с глубочайшим сожалением. Богу известно, что я не претендую на то, что у моего правительства нет недостатков в области финансов; однако, если рассмотреть вещи в правильном свете, то можно преодолеть многое. Вы не должны забывать, что и финансы большей частью являются заботой прессы.

Монтескье

Что все это значит?

Макиавелли

Разве не вы сказали, что к особенностям бюджета относится необходимость его опубликования?

Монтескье

Совершенно верно.

Макиавелли

Вот видите! К финансовым планам прилагаются расчеты, данные, официальные документы разного рода. Сколь многообразные средства вручают монарху эти публичные сообщения, если в его ближайшем окружении есть люди, обладающие необходимой ловкостью! Я потребую, чтобы мой министр финансов говорил на языке цифр с удивительной четкостью и чтобы весь его стиль свидетельствовал о безупречной чистоте помыслов.

Можно производить хорошее впечатление, если постоянно повторять (что, впрочем, вполне достоверно): «Использование государственных средств действительно осуществляется под контролем общественности».

Это утверждение, оспорить которое невозможно, должно постоянно излагаться в тысячах новых формулировок. Я хотел бы, чтобы звучали фразы, подобные следующим: «Наша система хозяйствования, представляющая собой плод большого опыта, отличается от «предшественниц» особой ясностью и надежностью. Она препятствует любому злоупотреблению и никому — от самого мелкого чиновника до главы государ-

ства — не дает возможности сокрыть даже ничтожную сумму от ее контроля или использовать ее в ненадлежащих целях».

Нет ничего лучше, чем произносить речи, подобные тем, что произносили вы. Следует говорить, к примеру, так:

«Превосходство финансовой системы заключается в том, что она основывается на двух принципах: на контроле и на гласности. На контроле, который препятствует тому, чтобы ни один грош, который из рук налогоплательщика попадает в государственную казну, переходит из одной кассы в другую и покидает ее, чтобы перейти в руки государственного кредитора, не оказался вне контроля ответственных чиновников за правомерностью его взимания, за его правильным оборотом, за законностью его применения, чтобы находил юридическое подтверждение со стороны пожизненно назначаемых судей и, наконец, получал одобрение и санкционировался в отчетах палаты, возведенных в ранг закона».

Монтескье

Ах, Макиавелли! Вы постоянно смеетесь надо мной, но в смехе вашем есть что-то дьявольское.

Макиавелли

Не забывайте, где мы с вами находимся.

Монтескье

Вы искушаете терпение Бога.

Макиавелли

Бог читает в нашем сердце.

Монтескье

Продолжайте же.

Макиавелли

В начале года, на который составлен финансовый план, суперинтендант министерства финансов выступит со следующим заявлением: «Ничто

не сможет поколебать плановые цифры этого бюджета, насколько это можно предвидеть. Не предаваясь иллюзиям, мы имеем наилучшие основания надеяться на то, что впервые за много лет при подведении итогов бюджет, несмотря на подлежащие уплате проценты с займов, будет приведен в действительное равновесие. Этот столь желанный результат, которого удалось достичь в столь явно тяжелые времена, является лучшим подтверждением того, что рост государственного благосостояния никогда не прекращался!» В самом деле, сказано красиво!

Монтескье

Продолжайте, прошу вас.

Макиавелли

Далее речь пойдет и об амортизации государственных долгов, столь дорогой вашему сердцу, и тогда будет сказано следующее: «Амортизация вскоре будет проведена. Если принятый план осуществится, если доходы государства продолжают расти, то нет ничего невозможного в том, что в бюджете, который предстоит предложить через пять лет, при подведении итогов образуется превышение доходов над расходами».

Монтескье

Это все надежды на далекую перспективу. Но что вы скажете об амортизации, если после того, как будет обещано ее осуществить, ничего не произойдет?

Макиавелли

Будет сказано, что момент для этого выбран неудачный, что следует еще подождать. Можно пойти еще дальше и заявить, что известные экономисты оспаривают реальную эффективность амортизации. Вам знакомы эти теории? Я могу вам о них напомнить.

Монтескье

В этом нет необходимости.

Макиавелли

Изложение этих теорий будет опубликовано в неофициальной прессе, о них будет сказано в официальных речах, и в один прекрасный день их признают совершенно открыто.

Монтескье

Что я слышу! После того как вы ранее признали эффективность амортизации и отдали должное ее благотворному влиянию?

Макиавелли

Но ведь предпосылки для научных доводов меняются, и просвещенное правительство постепенно должно следовать за прогрессом народного хозяйства своего столетия.

Монтескье

Таким способом можно все объявить недействительным. Оставим амортизацию в покое. А что вы скажете, когда вы не сдержите ни одного из своих обещаний, когда расходы захлестнут вас с головой, когда будет замечено, что взимаемые налоги непомерно высоки?

Макиавелли

В чрезвычайной ситуации об этом заявят совершенно открыто. Такая откровенность делает честь правительствам и пробуждает в народе понимание, если за этим стоит сильная власть. Однако мой министр финансов вменит себе в обязанность устранение всего, что могло бы указывать на повышение расходов. При этом он скажет лишь то, что соответствует действительности.

«Финансовая практика показывает, что непокрытые статьи доходов никогда не остаются совершенно без изменений, что имеется определенная цифра неожиданных поступлений в бюджет, которые часто осуществляются в течение года, а именно, вследствие увеличения суммы налогов; что, наконец, значительная часть одобренных кредитов осталась неизрасходованной и поэтому может быть списана».

Монтескье

Такое в самом деле имеет место?

Макиавелли

Вам известно, что в экономической жизни встречаются порой обороты речи, стереотипные фразы, оказывающие на публику большое влияние, успокаивающие ее, придающее ей мужество. Так, например, при необходимости представить тот или иной пассив бюджета, говорят: «Эта сумма не слишком высока, она совершенно обычна, она подобна цифрам прежних бюджетов; уровень колеблющегося государственного долга не дает оснований для беспокойства». Существует большое количество аналогичных оборотов речи, которые я здесь не стану приводить, поскольку есть другие практические способы, имеющие более важное значение и заслуживающие вашего внимания.

Прежде всего, во всех официальных публикациях следует указывать на рост благосостояния, на оживление торговли и на постоянный рост оборота. Налогоплательщик меньше реагирует на несоответствия в финансовом плане и его недостатки, если ему на них постоянно указывают. Об этом можно говорить до бесконечности, не вызывая у налогоплательщика недоверия. Столь могущественно магическое действие официальных сообщений на рассудок простого гражданина. Если финансовые планы не удастся сбалансировать и вы намерены подготовить общественное мнение к некоторым потерям в следующем году, то предварительно оповестите всех в официальном сообщении: «В следующем году дефицит увеличится всего лишь на такую-то сумму».

Если затем дефицит будет меньше предполагавшегося вами, то это может послужить поводом для настоящего триумфа. Если же он превысит ожидаемую цифру, то можно сделать следующее заявление: «Дефицит превысил предполагаемую цифру, однако в прошедшем году он составлял еще большую величину. В общем и целом финансовое положение улучшилось, поскольку расходы были меньшими и поскольку пришлось столкнуться с особенно тяжелыми условиями: войной, ростом цен, эпидемиями, непрогнозируемыми экономическими кризисами и т. д.

Однако в следующем году рост доходов, по всей вероятности, приведет к столь долгожданному равновесию в бюджете, размер долга уменьшится, и расходы бюджета, как и положено, будут соответствовать его приросту. Можно надеяться, что увеличение доходов будет стабильным и положительный баланс бюджета, если не произойдет никаких чрезвычайных событий, станет обычным состоянием наших финансов, каковым он, как правило, и является».

Монтескье

Это всего лишь комедия. Обычное состояние не наступит никогда, поскольку я уверен, что при вашем режиме всегда будет иметь место чрезвычайное состояние, война, экономический кризис.

Макиавелли

Я не знаю, будут ли иметь место экономические кризисы, однако можете быть уверенным в том, что я всегда буду поддерживать честь нации на должной высоте.

Монтескье

Это самое малое из того, что вы можете совершить. Если вы ищете славы и почестей, то вас за это не стоит особенно благодарить, поскольку слава в ваших руках есть лишь инструмент власти. Славой вам не погасить государственных долгов.

Разговор двадцать первый

Макиавелли

Я опасаюсь, что вы относитесь к займам с предубеждением. Они имеют ценность во многих смыслах. Они привязывают семьи к правительству, они являются для частного лица превосходным капиталовложением, и современные экономисты сегодня отчетливо признают, что государственный долг делает государство не беднее, а богаче. Позвольте объяснить вам, как это получается.

Монтескье

Нет. Ведь я уверен, что мне известны эти теории. Поскольку вы все время говорите о том, как занять денег, и никогда не говорите о том, как возвращать долги, я сначала хотел бы узнать, с кого вы хотите требовать такие огромные суммы и как намерены обосновывать свои требования.

Макиавелли

В этом мне помогут войны. В крупных государствах на такую войну можно получить пятьсот или шестьсот миллионов. Затем все устраивается так, что соответствующие расходы составили лишь половину или две трети испрошенной суммы, а остаток пошел в государственную казну для финансирования внутренних расходов.

Монтескье

Вы говорите, пятьсот или шестьсот миллионов? И где же вы найдете в наши времена банкиров, способных обеспечить заем, представляющий собой капитал, равный по размерам целому государственному состоянию?

Макиавелли

Ах! Вы еще застряли в азах техники получения кредитов! Позвольте заметить, что такой способ в сфере финансов предстает почти допотопным. Сегодня никто не обращается за займами к банкирам.

Монтескье

А к кому же тогда?

Макиавелли

Вместо того чтобы заключать сделки с капиталистами, которые объединяются, чтобы воспрепятствовать более высокому предложению, и малое число которых делает невозможной конкуренцию, обращаются ко всем подданным: к богатым и бедным, ремесленникам и купцам — ко всем располагающим какими-либо деньгами. Открывают так называемый государственный заем, который делится на очень небольшие части, чтобы каждый мог приобрести долю. Производится продажа облигаций займа стоимостью в десять или пять франков — общим числом до ста тысяч или до миллиона. Сразу же после продажи стоимость их возрастает. Они имеют стоимость выше нарицательной. Это уже известно людям, и они со всех сторон набрасываются на эти бумаги с целью их покупки. Все обстоит так, словно людьми овладело опьянение. Через несколько дней государственные кассы переполнены. Поступает столько денег, что буквально не знаешь, что с ними делать. Однако их продолжа-

ют принимать. Ведь если подписка на заем превысит сумму, на которую он определен, то это может произвести большое впечатление на общественное мнение.

Монтескье

Вот как!

Макиавелли

Затем слишком поздно пришедшим возвращают их деньги. Из этого делают большой шум, подключая влияние прессы. Это представление заранее инсценировано. Превышение составляет иногда от двухсот до трехсот миллионов. Можете себе представить, какое впечатление на общественное мнение производит такое доверие народа своему правительству?

Монтескье

Насколько я могу судить об этом деле, доверие смешивается с подогретой вами страстью к спекуляции. Я, в самом деле, уже слышал о подобном обмане, но в ваших устах все это звучит действительно фантастически. Прекрасно, пусть все будет именно так. Ваши карманы набиты деньгами, однако...

Макиавелли

Я получу намного больше того, что вы можете себе представить. Ведь у современных народов имеются большие банковские предприятия, которые ссужают государству сто-двести миллионов под обычный процент. И большие города могут ссудить государству деньги. У этих народов существуют еще и так называемые страховые учреждения; к ним относятся сберегательные кассы, кассы взаимопомощи, пенсионные кассы. Обычно государство требует, чтобы их огромные капиталы, доходящие порой до пятисот или шестисот миллионов, передавались в государственный банк, где они взаимодействуют с общей денежной массой, включающей ничтожные проценты, подлежащие выплате вкладчикам. Кроме того, правительства, подобно банкирам, могут также создавать свой капитал. Они выпускают банковские ценные бумаги с определенным сроком предъявления к оплате на сумму в двести или триста миллионов —

своего рода векселя, которые используются в качестве поддержки еще до того, как они пойдут в оборот.

Монтескье

Извините, если я вас прерываю. Вы все время говорите о денежных займах или о выдаче векселей. Разве вы никогда не перейдете к тому, чтобы платить по обязательствам?

Макиавелли

Я должен лишь добавить, что в чрезвычайном случае можно продавать государственные земельные участки.

Монтескье

Вот как, вы уже занялись продажей собственного государства. Неужели вы вовсе не думаете о том, чтобы наконец перейти к платежам?

Макиавелли

Несомненно. Я хочу лишь быстро рассказать вам, какие меры принимаются против долгов.

Монтескье

Вы говорите: «какие меры принимаются против долгов». Я хотел бы, чтобы вы выразились точнее.

Макиавелли

Я пользуюсь этим выражением, поскольку верю, что оно точно соответствует предмету разговора. Долги не всегда удается погасить, однако против них можно принять меры. Это выражение, имеющее в себе нечто очень энергичное, а долги — это враг, которого следует опасаться.

Монтескье

И что же это за меры против долгов?

Макиавелли

Разнообразнейшие. Во-первых — налоги.

Монтескье

Вы хотите сказать, что долги делают, чтобы с их помощью заплатить долги.

Макиавелли

Вы говорите как экономист, но не как знаток финансового дела. Не путайте два этих занятия. Полученные налоги в самом деле можно употребить на оплату. Мне известно, что налоги вызывают беспокойство. Если установленный налог воспринимается как слишком большая обуза, то изобретают другой налог или устанавливают тот же самый налог, только под другим названием. Вы знаете, требуется особое искусство, чтобы среди предметов, на которые можно установить налог, отыскать именно те, которые принесут наибольшую прибыль.

Монтескье

Я боюсь, что вы скоро исчерпаете этот источник.

Макиавелли

На этот случай есть другие средства, например так называемое конвертирование.

Монтескье

Вот как!

Макиавелли

Этот способ относится к так называемому «консолидированному» государственному долгу, т. е. к долгу, который возникает в результате выпуска займов. Например, к людям, получающим от государства ренту, обращаются со следующим предложением: «До настоящего времени за ваши деньги, которые вы мне ссудили, я платил вам пять процентов. Это была процентная ставка, по которой вы получали ренту. Я намерен

теперь платить вам всего лишь четыре с половиной или четыре процента. Вы либо согласитесь с этим уменьшением процентной ставки, либо я выплачу вам обратно капитал, которым вы меня ссудили».

Монтескье

Если деньги действительно возвращают, то я считаю этот способ вполне достойным.

Макиавелли

Несомненно, деньги возвращают, если они будут востребованы. Однако лишь очень немногие намерены это сделать. У рантье свои привычки. Они однажды надежно поместили свои деньги. Они испытывают доверие к государству. Они предпочтут надежное помещение денег, даже если рента и уменьшится, если бы все потребовали свои деньги назад, то, естественным образом, государственная казна была бы подорвана. Этого никогда не произойдет, и таким способом избавляются от долга в несколько сотен миллионов.

Монтескье

Это аморальный способ, что бы об этом ни говорили. Это принудительный заем, подрывающий доверие публики.

Макиавелли

Вы не знаете рантье. Я приведу вам в качестве примера еще один трюк, используемый для погашения долгов другого рода. Я только что сказал вам, что государство распоряжается еще и капиталом страховых касс, что оно использует его и платит с него проценты при условии возврата денег по первому требованию. После того как государство длительное время держало эти деньги у себя и более не в состоянии вернуть их, оно консолидирует неуплаченные долги.

Монтескье

Мне уже известно, что это должно означать. Государство говорит вкладчикам: вы хотите получить свои деньги? У меня их уже нет. Вы сможете получить вместо них ренту.

Макиавелли

Совершенно верно. И государство таким образом консолидирует все долги, которые оно не в состоянии заплатить. Оно консолидирует чеки, предъявляемые к оплате, долги, не выплаченные городам и банкирам,— короче, все долги, которые грубовато называют «плавающими» (неуплаченными), так как они складываются из требований кредиторов, не имеющих четкого определения и не подлежат уплате к точно определенному сроку.

Монтескье

Вы предлагаете странные методы избавления государства от долгов.

Макиавелли

Как вы можете упрекать меня, если я делаю то, что делают и другие?

Монтескье

Если бы этим занимался каждый, то Макиавелли действительно нельзя было бы в чем-то упрекнуть.

Макиавелли

Я не рассказал вам даже о тысячной доле методов, применяемых в данном случае. Я не опасаюсь роста текущей ренты, я бы даже хотел, чтобы все народное достояние было помещено в заем. Я бы устроил все дело так, чтобы города, общины, общественные учреждения превращали свое движимое и недвижимое имущество в займы. Интересы моей династии обязали бы меня даже применять такие финансовые меры. В моей империи не должно иметься ни талера, который бы не был зависим от моего существования.

Монтескье

Однако даже если это дело рассматривать со столь фатальной точки зрения, удастся ли вам тогда достичь своей цели? Не идете ли вы вместе с гибелью государства по прямому пути навстречу собственной гибели? Известно ли вам, что у всех народов Европы имеется большой выбор государственных ценных бумаг, которые обеспечены осторожностью,

умом, честностью правительств? При вашем способе управления финансами зарубежные денежные рынки отвергнут ваши ценные бумаги с потерями для вас, и на бирже вашего собственного государства ваш курс упадет до нижней отметки.

Макиавелли

Это очевидное заблуждение. Прославленное правительство, а мое будет именно таковым, пользуется за границей максимальным доверием. Внутри страны его власть подавит все опасения. Кроме того, я не хотел бы, чтобы кредит моего государства зависел от опасений нескольких мелких торговцев. С биржей я справлюсь при помощи биржи.

Монтескье

Что же это значит в данном случае?

Макиавелли

Я создам гигантские кредитные учреждения, якобы с целью выдачи ссуд для развития промышленности, однако их истинная задача будет состоять в том, чтобы оплачивать проценты. Поскольку они могут выбросить на рынок бумаги общей стоимостью от трехсот до четырехсот миллионов или скупить бумаги на такую же сумму, эти финансовые монополии всегда будут определять денежный курс. Что вы на это скажете?

Монтескье

Хороши делишки, которые будут проводить в этих учреждениях ваши министры, фавориты и метрессы! Итак, ваше правительство воспользуется государственными тайнами, чтобы спекулировать ими на бирже?

Макиавелли

Что вы такое говорите?

Монтескье

Объясните же мне тогда, для чего нужны еще эти учреждения. Пока вы оставались в сфере теорий, еще можно было ошибиться в истинном смысле вашей политики. С тех пор как вы перешли к вопросу об их

применении на практике, ошибка уже невозможна. Неужели вы думаете, что ваше правительство останется в истории единственным в своем роде и никто не упрекнет его в чем-либо дурном?

Макиавелли

Если кто-либо в моем государстве посмеет сказать что-либо подобное вашим словам, он исчезнет так быстро, словно его поразила молния.

Монтескье

Молния не может быть доказательством того, что он говорит неправду. Ваше счастье, что вы можете ею распоряжаться. Теперь-то вы закончили разговор о финансах?

Макиавелли

Да.

Монтескье

Наше время гигантскими шагами устремляется к концу.